

Андрей Грозин: «Кыргызстан сейчас очень похож на Австрию времен холодной войны»

Андрей Грозин: «Кыргызстан сейчас очень похож на Австрию времен холодной войны»

01.12.2012

«Я думаю, что в Кыргызстане есть и давление на оппозицию со стороны власти, и шантаж власти со стороны оппозиции», – сказал в интервью ИРР Андрей Грозин, российский эксперт, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ.

ИРР: Жогорку Кенешем вынесен на общественное обсуждение законопроект «Об оппозиционной деятельности в КР». Насколько, на ваш взгляд, необходим подобный законопроект Кыргызстану?

Андрей Грозин: Я полагаю, что закон об оппозиции, так же, как и Закон «Об оскорблении чувств верующих», – это некая отвлеченная юридическая дефиниция, и все прекрасно это понимают. Формально в России, например, существует так называемая конструктивная оппозиция, она представлена в Думе, она там уже настолько прижилась, что останется вне зависимости от того, принять такой закон или нет. И эсеры, и коммунисты, и ЛДПР в какой-то мере являются оппозиционными партиями, они на каждом углу провозглашают, что они являются оппозицией.

Проблем с реализацией ими своих политических полномочий, что в центре, что в регионах особенных нет. Поэтому: зачем им этот закон об оппозиции? Конструктивной оппозиции по большому счету он нужен только для пиара, а не для жизни, не для повседневной политической борьбы. А неконструктивным оппозиционным

движениям, что националистическим, что либеральным, этот закон тоже особенно не нужен по той простой причине, что их деятельность и так особенно никто не регламентирует, ее начали пытаться регламентировать в последние месяцы с новым созывом Думы, с известными событиями на Болотной площади.

Я считаю, что подобного рода закон был бы полезен просто потому, что он регламентировал бы очень сложную систему отношений, которая касается именно отношений власти и оппозиции, не входящей в повседневное политическое поле, я имею в виду тех, кого нет в парламенте. Для них-то как раз подобного рода закон был бы полезен с той точки зрения, что правоприменительная практика в России, к сожалению, не всегда соответствовала и соответствует букве и духу закона.

На мой взгляд, в России не самое худшее законодательство. Если бы кому-то из власть предержащих или их оппонентов пришло в голову вдруг строго следовать букве закона, то, я думаю, жизнь в стране была бы намного проще и удобнее. Другое дело, что это ни тем, ни другим в голову никогда не приходило, поэтому есть прекрасные законы, есть расширенное толкование этих законов в рамках правоприменительной практики, особенно в регионах, где каждый губернатор по большому счету очень часто сам себе закон. Есть подавляющая масса населения, которой по большому счету все равно, будет принят закон об оппозиции или не будет. Ясно, что, имея подобного рода общественные настроения, власть и не торопится принимать такие законодательные нормы.

Я полагаю, что в Кыргызстане ситуация немного другая. Все-таки оппозиция в Кыргызской Республике, как минимум, два раза брала власть, свергая предыдущие политические режимы, несколько раз она была близка к этому.

Нынешняя власть по большому счету – это бывшая оппозиция, поэтому ясно, что, имея подобного рода политический ландшафт и подобного рода политическую демократию, действующей власти логично было бы предположить, что она должна была бы более чутко прислушиваться к мнению своих нынешних политических оппонентов, памятуя просто хотя бы о том, что сегодняшняя оппозиция в Кыргызстане легко может стать завтрашней властью. Поэтому, мне кажется, необходимо исходить из такого простого положения дел, а также из того, что политическая палитра Кыргызстана гораздо более многообразна, чем российская.

В России представлены традиционно правые, традиционно левые силы, партия власти и все. В Кыргызстане совершенно другая ситуация. Может быть, СДПК можно назвать сейчас партией власти, хотя это, как мне кажется, было бы большим упрощением. Да, есть партии, которые близки к этой «партии власти» и состоят с ней в одной коалиции. Есть партия, которая находится в парламенте, но в коалицию не входит, являясь оппозицией. Есть гигантский массив партий, которые заявляют, что они оппозиция, но не входят никуда и борются за то, чтобы как-то присоединиться к этой власти. Ясно, что, имея такую разнообразную политическую палитру, наверное, некий регламентирующий общий закон нужен.

Но, с другой стороны, имеют право на жизнь доводы, которые наши единороссы приводят в дискуссиях о том, что есть Конституция и она является основным законом, зачем еще плодить какие-то новые подзаконные акты, когда все и так уже прописано в основополагающих нормах.

Может быть, правы и те, кто говорит, что в условиях Кыргызской Республики не надо умножать сущности, надо неукоснительно соблюдать и руководствоваться теми законами,

которые уже есть. Может быть, имеет смысл концентрироваться не на написании новых законов, а на борьбе за четкое исполнение уже существующих.

В любом случае, конечно же, вам виднее. В Кыргызстане слишком большое количество самых разнообразных политических акторов, и все они в определенном смысле заинтересованы в том, чтобы такой закон был, кто-то в большей мере, кто-то в меньшей.

ИРР: Существует ли в Кыргызстане сегодня, на ваш взгляд, четко оформленная системная оппозиция?

Андрей Грозин: Со стороны, из России, видно, что в Кыргызстане слишком много политических деятелей, организаций, которые говорят о том, что они являются оппозицией, но в то же самое время, если посмотреть, с одной стороны, на их политический вес, с другой стороны, на их повседневную политическую жизнь, не складывается ощущения, что это оппозиционные структуры.

Возьмем, к примеру, КПРФ, ее оппоненты, особенно ультралевые, говорят о том, что она уже срослась с властью, что это дополнительный клапан для выпуска пара и социального напряжения, что это не настоящая оппозиция. Я так не считаю. КПРФ, особенно в регионах, – это действительно оппозиционная партия со сложившейся структурой, со своей кадровой политикой, с очень серьезной историей, позволяющей говорить о том, что она является оппозиционной. Длительное противостояние Ельцина и Верховного Совета – один этот исторический эпизод позволяет, что называется, простить руководству КПРФ все те соглашательские шаги, в которых Зюганова и его ближайшую команду обвиняют с ультралевых позиций.

Помимо истории, помимо сложившейся структуры, все-таки даже такие вызывающие серьезные споры и сомнения в оппозиционности российские партии, как ЛДПР, конечно, превосходят своих коллег из Кыргызстана. Какая партия, помимо «Ата Мекен», может претендовать на какую-то длинную историю в Кыргызстане? Историей, как минимум, 20-летнего противостояния власти ни одна из партий в Кыргызстане не располагает.

Та же СДПК, например, не говоря уже о таких новых проектах, как «Республика» или партия власти при Бакиеве «Ак-Жол», когда на коленке буквально за несколько недель была создана партия для того, чтобы можно было более удачно провести выборы и продвинуть необходимых людей в парламент и правительственные структуры.

Ясно, что на самом деле истории нет. Такими достижениями, как региональные структуры, в Кыргызстане могут, как мне представляется, похвастаться менее десятка партий и, в первую очередь, те, которые сейчас заседают в парламенте. Остальные, скажем так, еще находятся на этом пути, а значительная часть политических структур Кыргызстана не стремится получить представительство во всех областях республики.

Кроме того, необходимо затронуть такой приземленный, но очень значимый для любой политической структуры вопрос, как финансирование. Ясно, что нынешний уровень финансирования политической деятельности абсолютного большинства политических структур Кыргызской Республики позволяет им существовать и заявлять о себе избирателям ровно один раз в несколько лет, а именно в период электоральной кампании.

Даже большие серьезные, «старые» партии наподобие «Ата Мекен»

пробуждаются обычно не очень часто и тоже по каким-то электоральным поводам. Постоянной, повседневной политической жизни у абсолютного большинства политических партий Кыргызстана незаметно, ее, по большому счету, нет. Кто-то пытается наладить нормальную партийную жизнь, кто-то даже не пытается это делать, а кто-то просто не имеет для этого ресурсов. Я думаю, что последних большинство.

Поэтому ясно, что «нормальной» оппозиции в таких условиях сложиться не может. Слишком неустойчиво политическое поле, слишком часто меняются правила игры, потому что каждый политический переворот, революция кардинально меняет не только конфигурацию наиболее известных, крупных политических партий. Какая-то партия приходит к власти, какая-то уходит, какая-то распадается, какая-то вообще исчезает, как предыдущая партия власти, и это абсолютно резко меняет правила игры на всем политическом поле Кыргызстана. Поэтому и бегут люди из одной партии в другую. Я читал биографии некоторых кандидатов в столичный кенеш, ну это просто песня, люди умудряются сменить по три-четыре партии меньше чем за десятилетие.

По большому счету, какие это партийные деятели? Какие это могут быть оппозиционеры? Устоявшихся партийных структур в республике меньше, чем пальцев на двух руках. Поэтому ясно, что и оппозиционных структур также нет.

Та же партия «Ата-Журт», формально это сейчас оппозиция, по всем принятым параметрам: партия не входит в парламентскую коалицию, везде говорит о том, что является оппозицией, ее лидера водят на психиатрическую экспертизу. По множеству пунктов можно сказать, что это оппозиционная партия. Но мы-то прекрасно знаем, что это не совсем политическая партия, это можно назвать объединением разных политических фигур, разных

бизнес-фигур по большей части из одного региона республики.

Значительная часть людей, входящих в эту оппозиционную партию, — это люди очень похожие судьбой и биографией на некоторых российских руководителей неконструктивной оппозиции. Никого не хочу обижать, но это люди, которые были одно время во власти или в телевизоре, а потом оказались нигде. Ясно, что такого рода оппозиция тоже не является оппозицией классического типа, оппозицией наподобие британской классической оппозиции. По всем пунктам, по всем параметрам в эти каноны политологии де-факто главная к настоящему моменту оппозиционная структура в КР никак не укладывается.

Что говорить о более мелких структурах типа «Бутун Кыргызстан» или еще более мелких, какая это оппозиция?

Кроме того, если продолжать эту тему, надо сказать и о том, что на постсоветском пространстве партии, это касается России не меньше, чем Кыргызстана, строятся по вождистскому принципу — партии, которые заточены на лидере, на его ближайшее окружение, на бизнес и капитал этого ближайшего окружения или лидера.

Все прекрасно знают, что, когда говорят «Ата Мекен», все имеют в виду Текебаева, говоря «Ар-Намыс», до известного распада и сложностей все имели в виду Кулова, говоря об СДПК, имеют в виду Атамбаева, несмотря на формальный отказ от членства, говоря о «Республике», до сих пор все вспоминают бывшего премьер-министра Бабанова. Сверху до низу применяется этот вождистский принцип, на мой взгляд, это политический фактор, который тоже не позволяет говорить о партиях власти и

об оппозиционных структурах как о полноценных политических партиях в западном понимании этого термина в классической политологии. Таких ограничителей очень много, это просто один из них, поэтому говорить о реальной оппозиции, конечно, нельзя.

В России кто-то считает реальной оппозицией Координационный совет, который наши неконструктивные оппозиционеры избрали путем Интернет-голосования. На мой взгляд, говорить, что это оппозиция, тоже нельзя по одной простой причине. Какая оппозиция избирается через Интернет, а во-вторых, и в главных, в выборах, по их же оценкам, на мой взгляд, завышенным, приняли участие меньше ста тысяч граждан Российской Федерации. То же самое можно предъявить и конструктивной оппозиции, которая заседает в Думе из созыва в созыв.

Имеется масса факторов, не позволяющих говорить о том, что наши политические партии, что левые, что правые, что центристские, являются партиями в полноценном смысле этого слова. Им еще до этого расти и расти, учиться и учиться.

Я думаю, то, что в Кыргызстане перешли к иной модели политической системы, чем в большинстве республик постсоветского пространства. С одной стороны, это подталкивает республику к более активной политической жизни, и это хорошо, потому что из многообразия в конечном итоге скорее родится что-то толковое, чем из вертикали власти, где шаг вправо, шаг влево — это попытка к бегству, а прыжок на месте — это провокация.

Я считаю, что это, с одной стороны, хорошо. С другой стороны,

как и в любом политическом процессе, масштабном и серьезном, нет одних плюсов, есть и минусы. И вы с этими минусами сталкиваетесь ежедневно, ежечасно и знаете о них лучше меня – это безответственный парламент, не очень качественный политический класс, который думает о себе, о своей малой родине, о своем клане, о своей партии и только потом уже, когда подумает обо всех этих важных и нужных вещах, он вспоминает, что у вас есть еще какие-то государственные интересы. Эти проблемы – это в определенном смысле порождение смены политической системы. Ясно, что вашим соседям что с севера, что с юга в этом смысле проще.

У вашего соседа Узбекистана несколько партий власти. Периодически российские политологи спорят о том, какая же из них является настоящей партией власти в большей мере: УзЛиДеП (Узбекская либерально-демократическая партия) или НДП (Народно-демократическая партия Узбекистана).

В Казахстане еще проще, там одна партия власти и две конструктивно-оппозиционные партии в парламенте, которые, как мне представляется, вообще никто оппозицией не считает, даже сама власть, не говоря уже о гражданах. Есть Коммунистическая народная партия Казахстана (Владислав Косарев), говоря о которой даже провластная печать иногда сомневается в ее оппозиционности, не говоря уже о независимой печати. Партия «Ак Жол» – это структура, которой до ухода на государственную службу руководил Алихан Байменов. Все это никакая не оппозиция, все это даже меньшая оппозиция, чем их российские коллеги, которые сидят в Думе и периодически спорят с депутатами от «Единой России».

В Таджикистане немного другая ситуация, там есть настоящая оппозиция – Партия исламского возрождения Таджикистана, но она

нигде особенно не представлена, и постоянно получает проблемы от действующего политического режима, но это все-таки оппозиция. У других ваших соседей никакой оппозиции нет.

В России есть оппозиция с площади, есть оппозиция из Думы, кому какая нравится, тот на те митинги и ходит, кто-то – на коммунистические, кто-то – на удалцовско-навальные.

В Кыргызстане ситуация отличается тем, что слишком много структур, которые называют себя оппозицией, и гражданам, наверное, трудно выбрать, какая же из этих оппозиционных партий им ближе.

Помимо региональных, финансовых ограничителей, ограничителей, связанных с партийной дисциплиной, со структурой в Кыргызстане есть проблема интеллектуального наполнения политической жизни большей части политических партий, того, что можно назвать идеологической работой, или того, что можно назвать борьбой за массы. С этим у большей части политических структур республики дела обстоят не очень хорошо.

Я так понимаю, что эти разнообразные шараханья от ультранационалистических до ультралиберальных проектов и концепций как раз-таки объясняются тем, что большая часть деятелей политического спектра республики просто-напросто не знает, на что опереться, чем привлечь избирателей, как понравиться населению. Они абсолютно не имеют четких представлений об электоральных предпочтениях, о том, чего хочется рядовому гражданину, о том, чем на самом деле живет экономика, о том, чем на самом деле живет аграрная часть страны, чем живет столица. Как говорил классик: «Узок круг

этих революционеров, страшно далеки они от народа». Это тоже очень серьезная проблема, как мне кажется, свойственная кыргызским политикам не меньше, чем политикам государств, которые с вами соседствуют.

Как только человек попадает во власть, он забывает о своих избирателях, о своих обещаниях, занимается чем угодно, но не выполнением своих обязательств перед избирателями. Имеются очень смутные представления о том, что вы строите в конечном итоге, что вам необходимо: мононациональное государство либо нужно идти по либеральному пути социального и экономического развития, необходимо ли участвовать в интеграционных процессах на постсоветском пространстве либо постараться выстроить какую-то автаркическую систему существования, на мой взгляд, это невозможно, но я слышал и такие призывы от некоторых политиков в Кыргызстане, то есть в головах ваших политиков совершеннейший винегрет.

ИРР: Считаете ли вы, что оппозиционная деятельность в КР опасна или критика власти не влечет за собой никаких последствий? Существует ли давление на оппозиционные партии со стороны власти?

Андрей Грозин: Я думаю, что есть и давление на оппозицию со стороны власти, и шантаж власти со стороны оппозиции. Кыргызстан – это самая свободная страна в Центральной Азии, и процессы протекают, с одной стороны, хаотично, с другой стороны, все-таки, несмотря на этот хаос, есть и очень продуманные с разных сторон ходы – продуманное давление оппозиции на власть, тот же самый шантаж и продуманное, естественно, давление власти на оппозицию. Те же выборы в столичные системы власти уже наглядно показывают, что было давление, имеется стремление монополизировать управление столицей со стороны партии власти, во всяком случае, мне так

представляется, исходя из того, как проходила предвыборная кампания.

То же самое можно сказать и о последних парламентских выборах. Видно было, что те партии, лидеры которых пришли к власти после весны 2010 года, оказались заведомо в более выигрышном положении, нежели их оппоненты. Вернее, не оппоненты, а коллеги, которым не удалось оседлать тогдашнюю волну протеста и активно поучаствовать в свержении Курманбека Бакиева, кто-то не успел, кого-то оттерли, кто-то проиграл в аппаратной борьбе, которая развернулась в первые дни существования Временного Правительства. Те, кто успел, удачно поучаствовал в захвате власти или революции, это можно называть как угодно, их структуры оказались в заведомо выигрышном положении, у них был дисконт, в отличие от других.

Ну и шантаж власти тоже есть. Где еще на постсоветском пространстве можно найти аналог вашего пресловутого ОБОНа? Да нигде. В России неконструктивная оппозиция только сейчас начинает доходить до мысли о том, что в случае противостояния с силовиками лучше всего бросать в них не камни и куски асфальта, а пускать вперед молодых девиц с цветочками в руках. Это примерный аналог вашего изобретения.

То, что есть шантаж — это тоже общеизвестный факт: «Если вы не освободите наших молодцов, то мы перекроем трассу», — подобного рода заявления звучат постоянно. Слышны и такие возгласы: «Мы захватим месторождения, сорвем тендер, потому что он не отвечает национальным интересам». Тендер сорван, в итоге республика теряет деньги, но кого же это волнует? Давление на власть есть, и, к сожалению, это обратная сторона этого процесса.

Самая свободная страна, отсюда и самые свободные действия оппозиции по отношению к власти. К сожалению, с этим ничего не поделаешь, с этим надо как-то жить. Кто кого победит, власть оппозицию или оппозиция подавит власть, мне кажется, говорить трудно, просто потому, что это перманентный процесс перетягивания каната, побеждает то одна сторона, то другая сторона. Сейчас, к примеру, побеждает власть.

Когда и торага, и президент, и глава правительства очень тесно связаны с одной партией, ясно, что у этой партии есть возможности серьезно в свою пользу монополизировать политическое поле, перераспределить ресурсы. Пока побеждает сторона власти, а оппозиция скажет свое слово весной, как часто, к сожалению, бывает в Кыргызстане.

ИРР: Поддерживается ли, на ваш взгляд, оппозиционная деятельность извне?

Андрей Грозин: Наверное, поддерживается, потому что Кыргызстан сейчас очень похож на Австрию времен холодной войны, и это другая проблема самой свободной страны региона. На ее поле играли все, кому не лень: и страны соцлагеря, и силы «международного империализма».

На территории Австрии была ситуация как в романах Фредерика Форсайта – шпионские войны, попытки активно влиять на внутривнутриполитическую жизнь извне, то есть своеобразное гуляй-поле, на котором тренируются все, кому не лень.

К сожалению, Кыргызстан во многом сейчас такое же «гуляй-поле», и не только сейчас, собственно, это началось раньше 2005 года. В 2005 году мы просто наблюдали всплеск этой

разнообразной активности – российской, китайской, американской. После этого как-то ситуация немного стабилизировалась, но ясно, что Кыргызстан вызывает интерес у очень большого количества внешних игроков, не меньший, во всяком случае, чем соседи, которые располагают гигантскими ресурсами. Почему? Я полагаю, потому что Кыргызстан – это своеобразная лаборатория, как бы это обидно не звучало для некоторых национально-озабоченных товарищей в республике. Кыргызстан – это лаборатория, где все пытаются сконструировать будущее центральноазиатского региона.

Также это лаборатория, где пробуются новые политические конфигурации, модели. Я наблюдал энтузиазм в Брюсселе после переконфигурации политической модели в республике. Тогда очень многие эксперты, занимающиеся Центральной Азией, в Европе на встречах говорили о том, что это перспективная модель, которая сможет в конечном итоге заменить все вертикально ориентированные авторитарные режимы региона. Теперь Кыргызстан – это маяк, это место, которое станет основой для переструктурирования всего политического пространства региона, а некоторые говорили, что даже и России.

Таких оптимистов было не очень много, в Европе они как-то быстро повывелись, а в Штатах еще до сих пор остаются. В июне я был в Вашингтоне и наблюдал там таких оптимистов, которые до сих пор уверены в том, что с Кыргызстана начнется нечто похожее на арабскую весну. Впрямую там таких вещей никто не говорит, тем более иностранным экспертам, но Кыргызстан начнет показывать всем пример того, как можно прекрасно обустроить политическую жизнь, социальную структуру без единоличного центра принятия решений и бессменного президента.

Я так понимаю, что с каждым месяцем, с каждым полугодием

разговоры о том, что Кыргызстан станет маяком для всех остальных в регионе, утихают. Хотя об этом стали говорить меньше, это не значит, что в Москве, в Брюсселе, в Вашингтоне и в Пекине на Кыргызстан не смотрят как на страну, от состояния которой во многом зависит то, что будет происходить у соседей. Очень многие так на Кыргызстан и смотрят, и, естественно, есть опасения, что кто-то может дестабилизировать Кыргызстан извне, и начнутся проблемы во всей Ферганской долине...

Это очень многих настораживает, и они считают, что с этим надо что-то делать, превентивно участвовать в жизни Кыргызстана. Как мне кажется, отсюда эти щедрые обещания, которые Россия вдруг начала раздавать Алмазбеку Атамбаеву. Скорее всего, эти обещания будут реализованы, судя по последним решениям российского руководства, касающимся российских энергетических корпораций и Министерства обороны Российской Федерации. Некоторое время назад у меня были очень серьезные сомнения в том, что все, что обещано, Россия собирается в реальности выполнять: от Камбар-Аты до военно-политического партнерства. Сейчас у меня таких сомнений гораздо меньше.

Анна Капушенко

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)